

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ИХ РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОДТЕКСТ В ОБЩИНАХ СТАРООБРЯДЦЕВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПРИМОРЬЯ

© **Литвина Наталья Викторовна**

заведующая лабораторией, исторический факультет,
Московский государственный университет; Архив РАН
Россия, г. Москва
tartalja@mail.ru

В последнее время три общины старообрядцев-поселенцев в Приморье вызывают растущий интерес исследователей, журналистов и отечественных старообрядцев разных согласий. В статье дается обзор исторического пути, языка, мировоззрения, экономического успеха группы староверов часовенного согласия, а также специфики программы содействия добровольному переселению соотечественников в отношении староверов. Автор показывает позицию переселенцев в перспективе развития экономики их сообществ и экономики региона.

Ключевые слова: экономическая стратегия, старообрядцы, переселение, Приморье, ссуды, кооператив

ECONOMIC STRATEGIES AND THEIR RELIGIOUS SUBTEXT IN THE COMMUNITIES OF OLD BELIEVERS-SETTLERS OF PRIMORYE

Natalia V. Litvina

Senior Researcher, Head of the Interdepartmental Archaeographic Laboratory,
Faculty of History,
Moscow State University
Moscow, Russia
tartalja@mail.ru

In recent years, three communities of Old Believers-settlers in Primorye have aroused the growing interest of researchers, journalists and domestic Old Believers of different accords. The paper gives an overview of the historical path, language, worldview, economic success of the group of Old Believers of the chapel accord, as well as the specifics of the program of assistance to the voluntary resettlement of compatriots in relation to Old Believers. The author points out the position of the resettlers within the prospects for the development of their economy and the economy of the region.

Keywords: economic strategy, Old-believers, resettling, Primorye, loans, cooperative

В последние годы деятельность трех общин староверов-переселенцев в Приморье вызывает нарастающий интерес исследователей, журналистов и отечественных старообрядцев разных согласий. Монографии, доклады и научные статьи Ю. В. Аргудяевой [2008], О. Г. Ровновой [2010; 2016], Д. Е. Раскова [2013; 2016а] и др. раскрывают темы исторического пути, языка, мировоззрения, экономического успеха группы староверов часовенного согласия, а также касаются

специфики программы содействия добровольному переселению соотечественников в отношении староверов [Государственная ... Эл. ресурс].

Три общины расположены в Красноармейском (с. Дерсу) и Дальнереченском (с. Любитовка и хутор Русский флаг) районах края, приблизительно в середине пути между Владивостоком и Хабаровском. Благодаря переселенцам за короткое время население с. Дерсу с 12 человек увеличилось приблизительно в девять раз, в Любитовке поселилось немногим более 30 человек и на хуторе — около 10. У каждой общины своя стратегия экономического развития, кроме того, несколько человек объединились в кооператив, который в настоящее время развивается собственным, не вполне типичным для переселенцев способом. Как описал в своей статье Д. Е. Расков [2016б], зарубежным староверам свойственна динамическая двойственная модель, объединяющая необходимость обособления от мира и одновременно ведения успешного хозяйства.

В Приморье у переселенцев изначально была разница как вводных условий (экономическая стартовая база, время и этапы переселения, условия на месте поселения, численный состав семей, причины переселения), так и в оценке экономического взаимодействия с государством с точки зрения угрозы спасению души.

В с. Дерсу руководитель общины Ульян Мурачев со своей семьей отправился после неудачной попытки обосноваться в селе под Уссурийском. Дерсу — родина тестя Ульяна, в 2011 г. село было удаленным и полузаброшенным, с прилегающими заросшими бывшими колхозными полями (около 1000 га), в окружении реки (со сложной переправой) и сопок. Кроме того, территория сельского поселения граничит с национальным парком «Удэгейская легенда», что значительно осложняет самообеспечение жителей лесоматериалами, в частности необходимыми каждой семье дровами.

Проблемы оформления земли и выделения субсидий общине с. Дерсу, нараставшие со времени постепенного переселения братьев Мурачевых с семьями в конце 2010-х гг., решались на всех уровнях: от администрации районного центра Новопокровка до правительства Приморского края, а также были на контроле у президента. И тем не менее по причине ряда непродуманных действий (например, массового оформления КФХ — крестьянских (фермерских) хозяйств, как предпринимательской деятельности, предполагающей оплату налогов), 700 га из обрабатываемых старообрядческой общиной с. Дерсу земель находятся в аренде, а не в безвозмездной собственности, как это было возможно для первой волны переселенцев, или безвозмездном пользовании (с переводом в собственность через 4–6 лет), как это возможно сейчас. В то же время благодаря грантам старообрядцы закупили технику для полного сельскохозяйственного цикла, построили зернохранилище и коровник. Все пятеро братьев Мурачевых — многодетные, у самого Ульяна, например, 12 детей; село постоянно растет за счет рождаемости, все используют положенные социальные государственные выплаты. Каждый из братьев в свою часть сельскохозяйственного производства включает своих детей и их семьи. Экономическая устойчивость с. Дерсу помимо государственных дотаций, держится на общем участии в работах всей многочисленной семьи, в основе которой — клан Мурачевых. Возможно, именно ограниченные земельные ре-

сурсы обусловили этот специфический экономический уклад. Экономическую семейную систему в то же время нельзя назвать ни кооперативом, ни коллективным хозяйством. Сам Ульян и его старший сын Ефрем — наиболее состоятельные представители семьи.

Несмотря на то, что оставшиеся в Дерсу коренные жители в большинстве старообрядцы, все же они не так строго соблюдают религиозные правила, как переселенцы. Даже сравнительно небольшое их количество для переселенцев представляет некоторую проблему. Ульян Мурачев так описывает причины, по которым для старообрядцев лучше было бы жить совсем обособленно: «Мы лишние, беспокоим людей, погулять, выпивать не даем спокойно, ни поматериться. Они такого не ожидали. Нужен полностью обособленный хутор, ни они нам, ни мы им, главное, чтобы не мешали».

Он же сделал выводы на основе своего опыта жизни в России: «Мы только через 5 лет немножко поняли, как себя вести. В России что само главное: не доверяться, уметь за себя стоять, привыкнуть к матершинству, привыкнуть к воровству и привыкнуть к местному народу — это само чижало переселенцам. Если не умеешь за себя встать — ты сам размазня, доверился — сам размазня. А такого понятия в Бразилии нет. Там самый большой позор — кто кого обманул. Там доверие существует на сто процентов. Там не надо договор писать — руку пожал, все, мы надеемся» [Архив 2018].

В Дерсу нет школы, но приезжают учителя. Вот как описывает необходимость учебы Николай Мурачев:

«Школа приезжает раз в неделю, учат. Не надо документ, главное, чтоб умели читать, писать, решать, а на земле работать — нам этого хватает» [АМАЛ 2018].

Если ориентация на государственную помощь в с. Дерсу обусловлена как неравномерной экономической состоятельностью малых семей, так и ограниченной ландшафтом площадью сельхозугодий, то следующие группы переселенцев-староверов, переезжая в Приморье, развивают принципы максимальной независимости. Староверы, поселившиеся в населенном селе Любитовка (более 300 человек коренных жителей — не старообрядцев), получили положенные 300 га земли на семью, а привезенный капитал «долларовый миллионер», глава общины Иосиф Ревтов вложил в приобретение техники. Сыновья Иосифа, как только создавали свои семьи, сразу отделялись от отцовского хозяйства и начинали самостоятельно жить и своими силами обрабатывать свой земельный участок. Все дети школьного возраста посещали любитовскую школу.

Специфическое поведение и, главное, экономические успехи переселенцев, с одной стороны, подстегивают местное население заниматься масштабным сельским хозяйством, с другой — вызывают неоднозначные, зачастую негативные реакции и местных жителей, и сельской администрации.

Чтобы избежать контактов с местными жителями, брат Иосифа Ревтова Ульян свой «хутор» под названием Русский Флаг устроил прямо в центре своего участка земли. Ульян Ревтов, так же как и брат, привез в Россию значительный долларовый капитал, но приобрел только минимально необходимую технику, а

на остальные средства купил землю в дополнение к положенным ему государственным 300 гектарам.

Свой опыт Ульян Ревтов резюмирует так: «За что в России не хотят работать — ради закона, здесь мы платим где-то 48% налогов. За то работать никто не хочет. Я тоже не знал, а когда зачал подсчитывать, сколько уходит. И еще подняли нонче. НДС был 18 — 20 подняли. Мы работаем, у нас ничо не остается. А что поседем, у нас посевная, уходит где-то 40% да 50%. И мы еще 48 заплатили, что у нас осталось? 2% заработка. Техника сломалась... Все. Человек прогорит, 2–3 года — прогорит, не выдюживат народ, за что и работать не хотят» [АМАЛ 2018б].

Сыновья Ульяна еще не женаты и обрабатывают семейную землю. Из-за недостатка техники приходится пахать круглосуточно, сменяя друг друга. И тут встает вопрос первостепенной важности для переселенцев как с экономической, так и с духовной точки зрения: служба в армии. Тут и запрет на участие в любых боевых действиях, и экономическая система, в основе которой работа всех мужчин семьи на земле, когда в короткие сроки надо вспахать или убрать гигантские участки. Все это заставляет старообрядцев беспокоиться о своих молодых парнях каждый сезон призыва в армию, а краевую администрацию прикладывать все усилия, чтобы добиться отсрочки для призывников.

Получение кредитов — следующая важная проблема. Сельхозпроизводство очень затратное, Россельхозбанк для Приморья разработал специальный кредитный продукт «Родная земля» под 5% годовых. Для кооператива два специалиста с высшим образованием и немалым опытом два месяца оформляли бумаги на получение этого кредита. Это непосильное для старообрядцев документальное оформление возможно только с помощью профессионалов. У большинства переселенцев кроме земли ничего нет, и заложить под кредит им больше нечего.

Кроме сложного оформления задерживают выдачу денег, а когда речь идет о начале посевной — две недели задержки могут поставить под вопрос весь урожай. Так описывает проблему Ульян Ревтов: «Я в долг возьму, а чем платить буду? Не сумею посеять — все. Я никого не хочу обманывать, я хочу работать. Если они желают помогать, как государственные, как банкиры — будем работать с ними, а не будут — будем работать... маленькая и все. Земля заросшая, на второй-третий год только начинает урождать. Позапрошлый год мы взяли ничего, прошлый год — ничего взяли. Вот нонче надеемся, это только земли старые, которые обработаны, а которые целик — это только так, деньги выбрасывать. Деньги надо вложить, мы не сумеем за раз (сделать оборот). Приезжал Абрам из Бразилии: если бы дали хоть под посевную, но хоть бы на три года, потому что урожаем хороший зачнем собирать когда, по-нормальному — на третий год» [Там же].

Обе общины горюче-смазочные материалы и семена сои для посева приобретают на средства кредитов.

Кооператив. Мысль о создании кооператива возникла во время визита митрополита Корнилия, который как представитель старообрядцев на правительственном уровне помогал переселенцам решать экономические проблемы. В кооператив заявилось пять человек, вероятно, вступят еще трое. Создавая коопера-

тив, старообрядцы думали так: «Не имея ничего, поодиночке пропадем, а вместе выживем» [АМАЛ 2018в]. Кооператив сообща получил около двух тысяч гектаров земли. Помощь в оформлении бумаг взял на себя старообрядец белокрыницкого согласия из общины Владивостока. И то, что помогает переселенцам человек другой веры, хоть и старообрядец, и коллективный принцип объединения не членов одной семьи — все это вызвало осуждение остальных переселенцев. Аргументы были приблизительно следующие: «мы выжили за границей потому, что были единоличники. Если я понадеюсь на брата, а брат подведет, погибну и я, и брат. Нас с детства приучали возделывать только свое поле» [Там же].

Наиболее прогрессивные предлагали создать кооператив, но другого плана: чтобы в него входил склад, и все бы туда сдавали свое зерно. И со склада была бы общая продажа урожая. Если продаешь 10 тыс. тонн — одна цена, а 100 тонн — другая. Этот кооператив был бы потребительский, который создается в форме некоммерческой организации. Но пока нет возможности построить склад, ни единоличники не встали на ноги, ни сам кооператив.

Религиозные оценки действующих экономических стратегий.

Кредит большинством переселенцев воспринимается как честный займ у государства, который после возвращения не может повлиять на духовную практику старообрядцев, в отличие от субсидий, грантов и тому подобной безвозмездной государственной помощи. Она, с точки зрения старообрядцев, — благо, доставшееся «даром», милостыня, за которую ты должен отдариваться, отмаливать, которая оставляет получателя должником. А молиться за несправедное государство — грех. Старообрядцы должны оставаться автономными и независимыми.

Вот как рассматривает перспективу развития своего хозяйства в России Авраам Калугин, который в текущем году переехал в Приморье из Бразилии: «Мы люди деловые, мы не хотим приехать — ради Христа. Мы не говорим, что "нам дайте". Кредит мы берем на какие-то сроки, на какой-то объем, мы все это привычны исполнять. Возможно быть успешным. Мы, если выращиваем свою продукцию, продаем — налог платим, и мы покупаем технику — налог платим, покупаем солярку — налог платим, мы создаем новые рабочие места и в округности сельских хозяйств все расцветает. Когда денег оборот есть, оно абсолютно все сразу — человек: "ой, мне надо обутки новые купить, одежду новую купить и у меня смартфон уже старый стает", и поехали, конца-края нет этому. От самых малых вещей до самого высокого уровня все подымается, но это мало кто понимает. Советская власть отобрала у людей амбицию. Она есть амбиция на даром дай. Все кто-то мне должен помочь, государство мне дом дать и медицину и все, и все. Нужно, чтобы приехать — быть успешным и быть полезным» [АМАЛ 2018г].

Источники и литература

1. АМАЛ. Москва, 2018г. Авраам Калугин, запись Н. В. Литвиной.
2. АМАЛ. Приморье, 2018а. Дерсу, Николай Мурачев, запись Н. В. Литвиной.
3. АМАЛ. Приморье, 2018б. Русский Флаг, Ульянов Ревтов, запись Н. В. Литвиной.
4. АМАЛ. Приморье, 2018в. Владивосток, В. М., запись Н. В. Литвиной.
5. Архив межкафедральной археографической лаборатории истфака МГУ (АМАЛ). Приморье, 2018. Дерсу, Ульянов Мурачев, запись Н. В. Литвиной.

6. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // [Электронный ресурс]. МВД РФ. — URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots (дата обращения: 18.09.2021).
7. Аргудяева Ю. В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2008. 400 с.
8. Расков Д. Е. Бегство от мира и земной успех: экономическая культура зарубежных староверов // Идеи и Идеалы. 2016б. Т. 1. № 4(30). С. 37–53.
9. Расков Д. Е. Об экономической культуре старообрядцев Бразилии // Русские старообрядцы: язык, культура, история: сб. ст. / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2013. С. 289–308; *Она же*. Религиозный фактор в экономике: к вопросу об интерпретации Вебера // Идеи и идеалы. 2016а. Т. 1, № 2(28). С. 70–80.
10. Ровнова О. Г. Полиглоты поневоле: языковая ситуация в старообрядческих общинах Южной Америки // Старообрядцы в зарубежье / под ред. М. Глушковского, С. Гжибовского. Торунь, 2010. С. 137–157; *Она же*. Бегут не от калача, а от бича: к истории переселения старообрядцев из Южной Америки в Россию (2008–2016) // Международные Заволокинские чтения. Сб. 4 / отв. ред. О. Г. Ровнова. Рига, 2016. С. 497–517; *Она же*. «Маленько переформили сарафан»: современная одежда старообрядцев Южной Америки // Живая старина. 2016. № 2. С. 41–45.